

Сергей
Ащеулов

ФРОНТОВЫЕ
ПОЭМЫ
И
ЛИРИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

Сергей Ащеулов

**Фронтальные поэмы и
лирические этюды**

«Издательство «Союз писателей»

2022

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6-5

Ащеулов С. И.

Фронтовые поэмы и лирические этюды / С. И. Ащеулов —
«Издательство «Союз писателей», 2022

ISBN 978-5-00143-676-8

В первой части сборника публикуются фронтовые поэмы о первой мировой и гражданской войнах, о Великой отечественной войне, о советском контингенте в Афганистане и другие. Во второй части публикуются лирические этюды и короткие зарисовки в стихах.

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-00143-676-8

© Ащеулов С. И., 2022
© «Издательство «Союз
писателей», 2022

Содержание

Об авторе	6
Фронтные поэмы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Ащеулов

Фронтовые поэмы и лирические этюды

© Ащеулов С. И., текст, 2022

© Дьяченко А. А., иллюстрации, 2022

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2022

© ИП Соседко М. В., издание, 2022

* * *

Об авторе

Ащеулов Сергей Иванович родился в 1948 году в селе Талдинка Троицкого района Алтайского края. Живёт в Новосибирске. Окончил юридический факультет Алтайского государственного университета. Длительное время работал в Сибирском отделении академии наук СССР. После распада Советского Союза работал в органах прокуратуры Новосибирской области, судьёй федерального суда общей юрисдикции, в администрации губернатора и правительства Новосибирской области. Юрист, государственный советник юстиции 1 класса. Один из разработчиков Устава и законодательства Новосибирской области. Ветеран труда. Творче-

ский путь начал в 60-х годах как создатель и участник вокально-инструментального ансамбля. Тогда же выступал на культурных мероприятиях клуба «Под интегралом» Новосибирского Академгородка. Пишет стихи, поэмы, баллады, басни, эпиграммы. Тяготеет к жанрам любовной, городской, гражданской и философской лирики. Произведения автора опубликованы в альманахе русской поэзии, в иных альманахах Российского союза писателей, в сборниках современной поэзии и прозы Санкт-Петербурга, в других печатных изданиях, в авторских блогах и иных социальных сетях. Номинант национальной литературной премии «Поэт года», премии «Наследие», литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя». Награждён медалями «Антон Чехов 160 лет» и «Сергей Есенин 125 лет». Член Российского союза писателей.

Библиография:

1. Мой серебряный конь. Новосибирск, 2015.
2. Жизнь моя – утопия. Новосибирск, 2018.
3. Был день войны. Санкт-Петербург, 2020.
4. Суть любви солона. Санкт-Петербург, 2020.
5. Мой серебряный конь (издание 2-е, дополненное). Новосибирск, 2021.
6. Бренная пена морская. Новокузнецк, 2022.

ФРОНТОВЫЕ ПОЭМЫ

Афганский изгиб

Свет промчавшихся фар вырвал из темноты
Незнакомку в осеннем пальто.
Из-за памяти лет шла навстречу мне ты,
Прикрываясь намокшим зонтом.

Над зеркальностью луж силуэт твой парит,
Как свечи недоступный мираж.
То затухнет во тьме, то опять загорит,
Оживляя ночной антураж.

От меня до тебя сто неполных шагов,
Измеряющих силу любви.
Через ширму дождя, в рампе ярких кругов
Луч твой лик ореолом обвил.

Ближе, ближе... я вижу родное лицо.
Свет притух; полумрак как вуаль.
Блеск руки – обручальное будто кольцо,
На плечах вязью лёгкая шаль.

Вот уже различимые в профиль черты,
Вздёрность губ меж овалами щёк.
И походка – без спешки и без суеты,
И знакомое что-то ещё.

Ты сегодня такая же, как и тогда,
Волос прядью свисает с виска.
Только кажешься мне чуть другой иногда;
Вот и локон не в три завитка.

Вспыхнув, твой силуэт погрузился во тьму,
Ну а я – в те далёкие годы.
Много лет пронеслось, не дай бог никому
Пережить лихолетий невзгоды.

Мы почти что ровесники были с тобой,
Я постарше, а ты так была молода.
Небосвод был над нами – шатёр голубой,
И дурманила пряно полынь-лебеда.

Школьный бал, и тебе нет семнадцати лет,
Я с повесткой – армейский призыв.
Уже завтра помашешь косынкой мне вслед
На перроне, глаза прослезив.

Миг разлуки непросто порой превозмочь —
Наши помыслы были легки.
Мы любили и в эту последнюю ночь
Знали счастье, и были близки.

Мама, папа, простите, что были одни
До утра, ожидая без сна.
Только именно в эти счастливые дни
Начиналась в Афгане война.

А потом ограниченный войск контингент,
Краткий курс молодого бойца.
Марши автоколонн, раскалённый брезент,

Клятва выполнить долг до конца.

Мне хотелось, как папа, разведчиком стать,
Бить врага с автоматом в руках.
Он меня научил говорить и читать
На пушту и дари языках.

Первый бой, и десант к кишлаку Шинкарак,
Разведзвод взял высоту у грота.
Выбит был из-за горседающий враг,
Но погибла девятая рота.

Под огнём моджахедов солдаты ползли,
До костей обдирались, как в тёрке.
Своим телом и сердцем в груди берегли
Фотоснимки родных в гимнастёрке.

Мы безусые были, совсем пацаны,
Боевых не имели наград.
Ждали дембеля, чтобы вернуться с войны
В свой далёкий родной Ленинград.

Все два года почти что бои да бои,
В передышках досуг тыловой.
Письма маме писал, ждал ответы твои
В адрес части своей полевой.

Оставался до осени маленький срок,
Мы все ждали последнего сбора.
Но судьба напоследок нажала курок
В катакомбах пещер Тора-Бора.

С перебитой ногой и ранением в грудь
Я проход в скалах к выходу рыл.
Между трупами полз, среди каменных груд
И от боли судьбу костерил.

Как же часто нас в жизни преследует рок,
Нет нужды по нему причитать.
Я неплохо усвоил отцовский урок
И мечтал переводчиком стать.

Видно, мама моя Бога стала молить
И сыночка смогла уберечь.
Меня «дух» подземелья хотел пристрелить,
Но слышал афганскую речь.

Как потом я узнал, в этом жарком бою
Много наших ребят полегло.

Души павших друзей в журавлином строю
Улетели, лишь мне повезло.

Помню, как получил в зубы сильный пинок,
Окровавленный сорванный бинт,
Стук цепей кандалов у стреноженных ног
И тоннелей ночной лабиринт.

Много месяцев долгих в застенках тюрьмы,
В душной яме темницы – зиндана,
Всё казалось могилой и царствием тьмы,
Но свобода приходит неожиданно.

Без надежды на то, что из плена спасут,
Я конвой попросил, осмелев,
Привести меня в штаб, где Ахмад шах Масуд,
Командир ихний, «Панджшерский лев».

Я хотел за себя и других попросить,
Чтобы участь облегчить в плену.
Побатрачить в соседний кишлак отпустить,
Искупить все грехи за войну.

Он заметил, что я не по возрасту смел,
И советского лучше убить.
Но за то, что был ранен и выжить сумел,
Приказал переводчиком быть.

С того дня в штаб охранник меня приводил,
Когда пленных вели на допрос.
Я на русский с афганского переводил,
«Шурави» задавая вопрос.

Как же я пожалел, что остался живой,
Видя их осуждающий взор.
Проклинал этот час для себя роковой,
Я изменник, а плен всё равно что позор.

Я уже не считал годы, месяцы, дни,
Имя, внешность и веру сменил.
Лишь остались от Родины фото одни,
С них твой взгляд меня к дому манил.

Долго был батраком у афганских племён,
Перепроданным несколько раз.
И почти позабыл, что когда-то пленён,
Лишь любовь от беспамятства спас.

Здесь замедлился будто бы времени бег,

Но его снова случай прервал.
Русских пленных увёл в Пешавар Аслам Бек
Сквозь Хайберский проход – перевал.

Так судьба завела в Пакистан и Иран,
В рабство власти пуштунских вождей.
И понёс меня ветер по множеству стран,
Как песчинку в пучине людей.

Было страшно вернуться в Советский Союз,
Плен солдатский – дорога под суд.
Сцену поднятых рук со словами «сдаюсь»
Вряд родители перенесут.

Будь ты проклят, мой жребий, афганский изгиб,
Искалечивший тело и дух.
Ведь о тех, кто в плену, и о тех, кто погиб,
Запрещалось рассказывать вслух.

Русский пленный за жизнь поплатился вдвойне,
Рассчитался ценой дорогой.
Мне хотелось родным рассказать о войне;
Лучше я, а не кто-то другой.

На афганской войне страшна кровная месть,
Где костры из солдатских костей.
Мы однажды с надеждой услышали весть
Об уходе советских частей.

А потом понеслась новостей череда,
Что не стало советской страны,
Что случилась с Россией большая беда;
Сводки будто с гражданской войны.

Мы боялись возврата с повинной назад
И скрывались, подобно зверью.
Всё же я оказался по-взрослому рад
Дать газете своё интервью.

Через несколько дней консул мне позвонил,
Попросил точно имя назвать.
Объяснил, что России я не изменил,
Обещал о семье всё узнать.

Почти год мне пришлось документ ожидать
Вместе с фото родителей, брата.
И скупые слова – как вам их передать:
«Все погибли в Москве от теракта».

И ушла вся земля у меня из-под ног,
Смысла не было будто бы жить.
Я на свете остался совсем одинок,
Кроме встречи с тобой, чем теперь дорожить?

Все формальности долго ещё проходил;
Я был подданным их короля.
По бескрайним морям мой ковчег бороздил,
Наконец показалась земля.

Путь обратный на Родину слишком тяжёл,
Кровью демон его окропил.
Двадцать лет я домой обездоленный шёл
И на берег родимый ступил.

Дождь. Мне город промокший не рад,
Львы суровые ночь стерегут.
Провожал на войну колыбель-Ленинград,
Встретил пленного Санкт-Петербург.

Бег машин, как поток в недрах бурной реки,
Разделил параллель берегов.
Сто неполных шагов – как они далеки,
Нет друзей, впрочем, нет и врагов.

Ливень времени лет здесь следы мои смыл
И сейчас льёт, о чём-то скорбя.
Повстречаться бы с ней – вот мой жизненный смысл;
Наконец-то я вижу тебя!

Мы почти поравнялись. Как сердце стучит.
Вот сейчас ты узнаешь меня.
В этот миг я услышал, как кто-то кричит,
И себя, и погоду кляня.

Сзади женщина быстро меня обошла,
Её губы, волнуясь, дрожали:
«Дочка, здравствуй, как долго тебя я ждала!» —
«Здравствуй, мама. Мой рейс задержали».

Проходя мимо них, я ускорил свой шаг,
Что ж, ошибся, а всё-таки жаль.
«Ой!» – воскликнула дочь. Я успел кое-как
Подхватить с её плеч обронённую шаль.

«Извините». – «Спасибо», – и весь разговор,
Продолжать больше не было сил.
Вдруг меня обожгло: старшей женщины взор
Меня молча глазами спросил.

И, взглядевшись в лицо, я другие узнал,
Тоже близкие сердцу черты.
Я девчонкой подругу свою вспоминал,
Здесь увидел её, но иной красоты.

А она то посмотрит на дочку свою,
На меня потом бросит свой взгляд.
«Поддержи, – прошептала, – я не устою»,
Отшатнувшись внезапно назад.

Дочь прижала её и рукой обняла,
Я в асфальт, будто вкопанный, врос.
Видно, мать про меня уже всё поняла,
Получив мой ответ на безмолвный вопрос.

С чувством горькой вины улыбнулась она;
Грудь у раны под клещами сжалась.
Раньше знал по глазам, что в меня влюблена,
А теперь видел в них только жалость.

Растворившись, надежда слезою стекла,
Брызнул искрами внутренний враг.
Будто сдвинулась пуля и в сердце вошла;
Дальше всё. Бессознательный мрак.

Открываю глаза: я в больничной палате.
Вышел целым из прошлого сна.
Слышу голос (две женщины в белом халате):
«Это дочка твоя; я – любовь и жена».

На германской, на гражданской

В доме душно, как в вагоне.
Пьяная компания.
На столе налит в стаканы мутный самогон.
В коме души от агоний —
Гибнет Русь опальная
В позолоте листопада сорванных погон.

Есаул, корнет, поручик —
Сослуживцы ратные.
На груди у них награды Первой мировой.
Складки скул сорвались с кручи
В годы безвозвратные,
Что слегли в сырых окопах на передовой.

За царя, народ, за веру,
За своё Отечество
Шли в штыки на супостата сквозь шрапнель мортир.

Сколько зря в шинелях серых
Сгибло опрометчиво,
Знал лишь ветер, завывавший траурный мотив.

Знал бы кто, как в ранах бились
Оземь кони ржавшие,
Когда в три креста аллюром нёсся эскадрон.
Когда шашками рубились,
Власти предержавшие
Опрокинули российский самодержца трон.

Кто убит, кто тяжело ранен,
Подвиги солдатские
Преданы забвению пришествием времён.
Эхо битв да поле брани —
Им могилы братские.
Ни крестов, ни обелисков, прах их без имён.

Есаул берёт гитару,
Лиру семиструнную,
И поёт негромко песню грустную свою,
Как безусые гусары
Жизнь отдали юную.
Не забудь, господь, хоть ты их мужество в бою.

Не забудь, что не щадили
Живота в сражениях,
Верой, правдой государю русскому служа.
Силой духа победили
Горечь поражения,
Ни на пядь не отступив назад от рубежа.

Много дум проходит за ночь
Про бои-баталии,
Как ползли долиной смерти штурмовать курган.
Как форсировали Нарочь
Через льдины талые,
Налетая на германцев словно ураган.

Есаул в те дни был ранен,
Оказался пленником.
Брошен в лагерь за колючку – лёд страшной оков.
Был спасён в предсмертной грани
Полковым священником:
Он крестом своим наперсным совершил подкоп.

Горькой вылиты остатки,
А стакан с горбушкой
По традиции армейской рядышком стоит.

Дым от газовой атаки
Стлался над опушкой,
Там, где без противогазов полк их вечно спит.

Обожгла нутро корнету
Самогонка крепкая,
Грудь сдавило от удушья, в горле встал комок.
Как тогда – в атаку эту —
Газ душил, свирепствуя.
Только Бог да конь каурый жизнь спасти помог.

Сквозь туман, от хлора жёлтый,
По земле отравленной
На опущенных поводьях конь его тащил.
У реки упал, тяжёлый,
С пеной окровавленной,
Шаг дойти до водополя не хватило сил.

Молча слушает поручик
О войне истории.
Сам-то он в германскую сполна повоевал.
Страх в бою – плохой попутчик,
Храбрость – путь к виктории,
Пуля-дура с ног любого свалит наповал.

Залегла в окопах рота,
Ждали наступления.
Немчура с зимы готовил фланговый прорыв.
Вот и чуткая природа
Своим потеплением
Подтверждала, что закончен мирный перерыв.

Жизнь давала знать во многом:
Почками на веточке,
Бесконечно синим небом, талостью земли.
Сколько ей ходить под Богом?
И с солдатской весточкой
Пролетали над полесьем к дому журавли.

Взвод поручика в засаде
Ожидал противника,
До рассвета оставалось ровно полчаса.
Вдруг, как гром небесный, сзади —
Пушки из осинника
Заглушили в ранней сини птичьего голоса.

Немцы с тыла налетели,
Подавлив внезапностью.
Дрогнул взвод, заколебался, силы неравны.

Как солдатики хотели
С неподдельной завистью
Взвиться стайкой воробьиной посреди войны!

Над разрывами снарядов,
Над полями минными,
Выше всполохов орудий, пепла и огня.
Ввысь взлетев, с мольбой из ада,
К Господу с повинною.
Ниспошли побед им славных, от врагов храня.

Всё смешалось: части тела —
С глиной окровавленной,
Прутья вербы – с серпантинном пулемётных лент.
Смерть поручика задела
Сталью переплавленной
И пробила обе ноги в области колен.

Взвод, не выдержав напора,
Начал отступление.
Из окопов вылезая, в панике бежал.
Не надеялся, что скоро
Будет подкрепление;
Вряд бы кто его от бегства силой удержал.

Вдруг сквозь грохот крик прорвался
Выстрелом в предсердие:
«Стой! Куда же вы, солдаты?! Раненые здесь!»
А храбрец тот оказался
Сестрой милосердия:
«В бой, ура! Вперёд, солдаты, где же ваша честь?!»

Белым ангелом взметнувшись
Над кровавым месивом,
В полный рост навстречу пулям бросилась сестра.
Замер взвод, но, развернувшись
Перед страхом массовым,
Устремился вслед за ней под возгласы «ура».

Неприятеля в окопах
Били врукопашную,
Оттеснив его с позиций, обратили в бег.
Степь, сожжённая, в осколках,
Стала чёрной пашнею,
Вся усеяна телами мёртвых и калек.

А у бруствера в сторонке,
Где в осину старую
Прилетел и разорвался вражеский фугас,

Лишь нашли на дне воронки
Сумку санитарную.
Кто же подвигу сестрички должное воздаст?

Немцы сутки осаждали
Взвод по обе стороны.
Сколько раз окоп передний к ним переходил.
Ну а рядом наседали
На убитых вороны.
А живым их клюв поганый раны бередил.

Этот бой не как другие —
Навсегда запомнился.
Ждал поручик участи: погибель или плен.
Вести вдруг пришли благие:
Подспела конница;
А в тылу, как оказалось, ждали перемен.

Петроград свобод добился,
Поднялось восстание.
На его защиту встала тьма солдатских масс.
Фронт германский развалился,
Началось братание.
Не об этом ли Вергинский с болью пел романс?

Пел о тех, в кого стреляли —
В поросль невоенную,
Без причины погубили классовой враждой.
Среди тех, кого послали
На погибель верную,
Был и младший брат корнета, юнкер молодой.

Над пустой солдатской церковью
Крест стоял надломленный.
Перед ним к присяге новой был благословлён
Полк особый офицерский,
Полубескровленный,
Сформированный к отправке в сводный эшелон.

Есаул, корнет, поручик
Не случайно встретились —
Вся их доля ратная друг к другу привела.
Им теперь втроём сподручней
Окунуться в летопись,
В ту, что, в войнах создаваясь, кровью истекла.

Но пока они не знали,
Что в эпоху новую
Мир стремительно несётся, где им места нет.

Ветры прочь куда-то гнали
Листики кленовые,
И стучал состав по рельсам в ритме кастаньет.

Они ехали в вагоне
Душном, дымном, копотном.
Усмирять восставший Питер с фронта полк везли.
На последнем перегоне
Поезд встал как вкопанный.
В дверь прикладом постучали, а потом вошли.

В полутьме, в нехватке света
Фитиля фонарного,
Появились два матроса и простой солдат.
«Мы из реввоенсовета,
Я теперь за главного», —
Тот, кто был в шинели серой, предъявил мандат.

«Эшелону разгрузиться.
Классовым сторонникам
Подтвердить свою лояльность поднятой рукой.
Сдаться и разоружиться
Золотопогонникам,
Срезать царские погоны, с вами счёт другой».

Все молчали. Ультиматум?
Что за разговорчики?
Это им скомандовал какой-то нижний чин?!
Кто-то выразился матом,
Но переговорщики
Уходить не находили видимых причин.

Когда вышли офицеры
Из оцепенения,
Закричали: «Всех их к стенке, тут же расстрелять!»
А в ответ: «Вы на прицеле,
Поезд в оцеплении,
Господа вашбродия, и мы могём пулять».

Супротив, по воле судеб,
И враги, и пленники.
Не у немца на чужбине – в собственной стране.
Трибунал, где в роли судей
Свои соплеменники.
Приговор грозил фатальный с истиной в вине.

Их вели к лесной опушке
Сквозь ряды неплотные,
Офицерскую колонну охранял конвой.

По пути считали пушки,
Точки пулемётные,
И готовились к прорыву в свой последний бой.

Есаул рванул к тачанке,
С ним корнет с поручиком.
Остальные подхватили к действию сигнал.
Под «Прощание славянки»
Смяли караульщиков,
С ходу лихо захватили целый арсенал.

Этот бой был скоротечным,
Но не как в германскую.
Русский против русского – пощады не видать.
Под двойным огнём картечным
Началась Гражданская,
Но без правил, без науки братьев побеждать.

Мрачен цвет кровавой бойни
С жертвами напрасными.
Было дело – защищали Русь плечом к плечу.
Места нет в одной обойме
Белым вместе с красными,
Также как не стать трёхцветным флагом кумачу.

Солнце близилось к закату
Дымкой багровеющей,
Догорал разбитый в щепки воинский состав.
Непомерную утрату
Полк понёс слабеющий:
Сотни тел легли распятым, руки распластав.

В темноте пробились к лесу,
Отходили группками.
Небо им благоволило месяцем скупым.
Ночь поставила завесу
С миражами хрупкими
Лиц погибших; перед ними долг неискупим.

Перед теми, кто остался
С ранами тяжёлыми
Прикрывать во имя жизни остальных отход.
Злой рассвет туманом стлался
Берегами жёлтыми.
Уходили все, кто выжил, через реку вброд.

Далеко на небосклоне
Вещий блик Юпитера
С предзнамением зловещим лечь костями за Дон,

Не молиться в отчем лоне,
Не увидеть Питера,
Не к своим – к чужим прорваться, скрывшись за кордон.

Хутор старый под горою,
Где скрывались белые.
Под порогом сброшены ремни от портупей.
Их осталось в хате трое,
Офицеры беглые:
Есаул, корнет, поручик – кто они теперь?

Кто хотел стоять за веру,
За Россию-матушку,
Тот сбежал к Деникину, Краснову, к Колчаку.
Вдруг раздался шум за дверью,
С криком «Власть вам мачеха!»
Заскочил казак с гранатой, выдернув чеку.

Кольт торчал из-под пальтишка,
И тельняшка рваная.
Есаул успел с корнетом выпрыгнуть в окно.
«Братька, ты?!» – «Ты кто, братишка?» —
«Я поручик в звании,
Ты откуда?» – «Я от батьки Нестора Махно».

Старший брат ввёл аккуратно
Шток предохранителя.
Подошёл к поручику поближе, посмотрел.
Приказал вести обратно
Беглецов-воителей.
Их уже вели махновцы к церкви на расстрел.

Всех оставили в отряде
Лишь по воле случая,
Брат поручика, хорунжий, близок был к Махно.
Анархисты? Бога ради,
Где ты, доля лучшая?
Жить захочешь – то и с ними будешь заодно.

Под присмотром контрразведки
Троицу отправили
Собирать в казну отряда голый чистоган.
«Справедливость» продрозвёрстки
Взяли и подправили —
Получилось мародёрство, аргумент – наган.

Грабежи, террор, погромы,
Банков реквизиция.
И разгул по гуляйполю да свинцовый дождь.

Не жалеть на всех патроны —
Такова традиция
Тех, кого в народе звали атаман и вождь.

Но однажды на махновцев
Налетели красные,
Ох и сечь была; звенела сабельная сталь.
Сколько пало славных хлопцев,
Жертвы их напрасные
Принял первый лёд осенний, будто бы хрусталь.

На земле своей исконной
Знали они вольницу.
Били немцев и Петлюру, Врангеля, Шкуро.
При погоне первой конной
За Махно будённовцу
Удалось нацелить в сердце и спустить курок.

Небо хмурое катилось,
Облакаясь тучами.
И остатки чёрной сотни скрылись за бугор.
Тело грузно опустилось,
Только взгляд измученный
Говорил, что жить корнету всем наперекор.

Подхватив руками друга,
Есаул с поручиком
Отходили к мелководью, прячась в камышах.
И когда поверхность Буга
Заблестела лучиком,
В тишине раздался окрик выстрелом в ушах.

«Стой! Ни с места! Вы из беглых,
Элемент внеклассовый?»
Трое красных всадников с дозором подошли.
От зелёных к ним, от белых
Переход был массовый.
Ну и их к перебежавшим тут же отвели.

Конармейский корпус вышел
Из боёв потрёпанным,
Чтобы доформироваться перед рейдом в Крым.
Пополнялся он из бывших —
Контингентом опытным,
Воевавшим на германской, но не за царизм.

Трёх махновцев, как ни странно,
Взяли на довольствие.
Впрочем, там подобных было пятеро на взвод.

Врач зашил корнету рану,
Смачно разглагольствуя,
Дескать, кокнуть бы как контру – да нехай живёт.

Им везло; каким-то чудом
Избегали гибели,
Будто бы заговорённым был их ратный путь.
Не убить в рассудке чуждом
Заповеди Библии,
Ибо жизнь – она от бога, в ней земная суть.

Свежий полк кавалерийский
В полном снаряжении
В боевом походном марше шёл на Перекоп.
Чтобы там, за Крым российский,
Выиграть сражение,
Взять придётся вал турецкий, атакуя в лоб.

Кавалькадой вдоль лимана
Двигалась конармия.
Ухудшения погоды день не предвещал.
Осень южная жеманна,
Иногда коварная —
Миг и грозный гул копытный суховой примчал.

У судьбы иные планы,
Чаще поперёшные.
Так и вышло – враг лавиной шёл наперерез.
Взмыв, извергнув конь буланый
Ржания истошные
И понёсся с есаулом в бой наперевес.

На клинках эфес закруглен,
Лезвия без рубчика.
Друг на друга эскадроны понеслись стремглав.
Есаулом был зарублен
Старший брат поручика.
Кто ударил саблей первым, тот, выходит, прав.

Вот так матушка Расея,
Армия мужицкая!
Враг был начисто разбит и обратился в бег,
По степной стерне рассеян
Силой большевистскою.
Сам народ в ней полководец, воин и стратег.

Так и двигалась с боями
Конная Будённого,
Есаул-комэск возглавил сводный эскадрон.

Под седыми ковылями
В качестве бездомного
Схоронил поручик брата, спрятав от ворон.

В Крым должны ворваться с ходу,
Одолев позиции
Перекопских укреплений и турецкий вал.
Путь отрезать к пароходам
Белой коалиции.
Но никто редуты раньше не одолевал.

Сколько раз предпринимали
Захватить их приступом.
Утонувших и убитых не пересчитать.
Земляной рубеж взломали,
А за скальным выступом
Пулемёты продолжали злобно стрекотать.

Есаул врубался в гущу
Врангелевской гвардии,
Бил налево и направо, вдоль и поперёк.
Конь его топтал бегущий
Взвод кавалергардии
И как мог отвагой конской седока берёг.

Дня и силы не хватило
Выбить артиллерию.
Враг готовился к атаке, чтобы взять реванш.
Но резерв ударил с тыла
В помощь кавалерии,
Одолев студёным бродом илистый Сиваш.

В сапогах с солёной жижей
Мокрые солдатики
Незаметно, по-пластунски и по грудь в воде,
Шли, ползли, но месяц рыжий
Выдал их предательски,
Осветивший на подходе к каменной гряде.

Там по ним прямой наводкой
Залпы орудийные —
То шрапнельный, то фугасный прилетал снаряд.
Спас бойцов рывок короткий:
Через плавни минные
Напролом повёл поручик штурмовой отряд.

Храбрость, мужество, отвага —
В них основа подвига.
Не во имя чьей-то славы, а с надеждой жить.

Сделать три геройских шага,
Вырвавшись из полога
Страху смерти, и Отчизне верно послужить.

Захватив плацдарм прибрежный,
Ждали подкрепления
Основных частей ударной группы храбрецов.
Злой Сиваш плескался бездной
И без сожаления
Поглощал в студёной топи тысячи бойцов.

Люди к Господу взывали
Ниспослать им ангела.
Их тела от пуль и стужи стали коченеть.
Но дошли и разорвали
Оборону Врангеля.
Командиром конной части бывший был корнет.

Бой за Керчь и Севастополь.
Здесь потери редкие.
Корабли с частями белых покидали порт.
Курс их был в Константинополь.
Берега турецкие
Приютят солдат, гражданских, барышень, господ.

Есаул, корнет, поручик —
Командиры красные.
В орденах краснознамённых синева петлиц.
Их развёл Сиваш-разлучник
Порознь в дни ненастные,
И тем радостней улыбки утомлённых лиц.

Нет войны. Они в России
Шли по Графской пристани.
Корабли гудками будто обращались к ним.
Не прощались, а просили
Лишь взглядеться пристально
И увидеть тех, с кем были под огнём одним.

С кем хлебнули много лиха
На войне с германцами,
Воевали за Россию, веру и царя.
Как близки в биноклях лица
С бледными румянцами.
Неужели все их муки оказались зря?

Под разрывы мин, бывало,
С канонадой пушечной
Воедино шли в атаку супостата бить.

Вдаль эскадра уплывала,
Стяг морской приспущенный.
Есаул, корнет, поручик там могли бы быть.

Не смогли, не удержали,
Не спасли отечество.
Белой гвардии российской наступил конец.
На причале кони ржали
Криком человечества,
Бередя людские души хуже, чем свинец.

Быть беде средь бела света
По закону подлости.
Всё бы ладно, да навстречу направлялся к ним
Тот, из реввоенсовета,
Что с мандатом в поезде
Подписал вердикт расстрельный росчерком одним.

Он узнал. Во взгляде злоба
Типа беспардонного.
Этот, властью облечённый, форменный чекист,
Возглавлял отдел особый
В армии Будённого.
Зачищал ряды от контры и от тех, кто чист.

Подходил неумолимо,
С ним его охранники.
Бывших царских офицеров просто так не взять.
Шаг, другой... И всё же мимо.
Нет на лицах паники,
Видно, их придётся позже силой повязать.

Разошлись, как в бурном море
Сейнеры рыбацкие.
Есаул, корнет, поручик миновали сеть.
Счастье хлипко. Когда в горе —
Вина пьёт кабацкие.
Ей испить глоток свободы надо бы успеть.

Три товарища спешили —
Слишком мало времени.
Рядом с ними шла удача, повезёт ли впредь?
Видит бог, они решили
Быть отчизне верными.
Если жить, то жить в России или умереть.

Старый дом. В нём на постое
Трое, да их лошади
Нерассёдланные нынче во дворе стоят.

Может, завтра ждать не стоит,
Если их на площади
Расстреляют или – хуже – в карцере сгноят.

Дух сивушный, смог табачный
Вперемешку с сумраком,
Мысли вслух – те, что у трезвых были на уме:
Царь бездарный, вождь невзрачный,
Стал народ отступником.
Гибнет, гибнет Русь святая в беспросветной тьме.

Оказалась безответной
Преданность их Родине —
Всякой: сильной, слабой, смутной, гибнущей в огне.
А за гранью предрассветной
Брежил путь непройденный,
И, подкрадываясь, кто-то промелькнул в окне.

Знать, отрезан путь отхода,
Пропадать так с музыкой.
Есаул, корнет, поручик пели русский марш.
Взять в кольцо могли полвзвода,
Но за щелью узенькой
Виден был боец и накрест свисший патронташ.

Куртка-кожанка потёрта,
Со следами памяти
Пуль, и, судя по обличью, он был явно свой.
«Эй, вы там, какого чёрта
С ночи горлопаните?!
Открывайте, я из штаба. Срочно. Вестовой».

Дверь открыл корнет с наганом,
Глядя с недоверием.
Есаул с поручиком со связками гранат.
К ним могли войти с обманом,
Взять их лицемерием,
К счастью, в дом ворвался только свежий аромат.

Стыл рассвет пастельно-синий
На ветвях акации.
Горизонт морской упёрся прямо в небеса.
«Всем прибыть, – сказал посыльный, —
К месту дислокации.
Торопитесь, полк уходит через два часа».

А затем запрыгнул лихо
На коня горячего.
В серебре туманной дали след его простыл.

Никого. Всё было тихо
Вокруг дома спящего,
И, как ангелы, парили на церквях кресты.

Первый луч от солнца встретил
Купол позолоченный,
Знаменуя силу духа, торжество добра.
Бог в душе, хоть храм в запрете,
Вера с червоточиной,
Повезло друзьям, дожили нынче до утра.

Им собраться надо быстро,
Воду пить рассольную.
Конармейцам для сражений нужен трезвый ум.
Вот бы взять и позабыться,
Ночь забыть бессонную.
Побеждать – так головою, а не наобум.

Поутру они скакали
В штаб по приказанию,
Их бригаду отправляли добивать Махно.
Резвый зюйд крушил о скалы
Судно мироздания.
Тем, кто выплыл из пучины, было всё равно.

Кипарисы вдоль дороги
Как телохранители.
Заслонить собою могут, спрятать и спасти.
Ощущение тревоги —
Мира нет в обители.
Враг не дремлет, затаился снова на пути.

От знакомого штабиста
По германской – взводного —
Есаул, корнет, поручик получили весть:
Застрелили особиста,
Зверя подколодного.
Значит, Бог и справедливость в жизни всё же есть.

Он считался рангом старше
Политуправления
И в ту ночь, напившись пьяным, к бабам приставал.
Домогался к комиссарше,
Целовал колени ей.
Женский маузер отбросил гада наповал.

Вот ведь как всё обернулось:
Будто бы по лезвию
Между будущим и прошлым им пришлось идти.

Зло шло к ним, но разминулось
И пришло к возмездию.
Видит бог, за ними правда в выборе пути.

Им потом ещё придётся
Пережить репрессии,
Халкин-Гол, Хасан, на финской тяготы невзгод.
Когда враг к Москве прорвётся —
Отражать агрессию
В сорок первом, чтобы встретить сорок пятый год.

На германской, на Гражданской
Воевали соколы.
Под огнём себя сжигали, думали, не зря.
Их сердца, как сердце Данко,
В пламенности сотканы.
Кровь людская не водица – алая заря.

Есаул, корнет, поручик —
Господа вашбродия,
Командиры красные, махновские чины.
Им судьба в награду вручит
Крест и вязь надгробия:
«Здесь покоятся солдаты, русские сыны».

Друг

Это слово «война»
Режет слух, ранит грудь:
В ней страдания, тяготы, беды.
Друг хлебнул их сполна,
Положив ратный труд
На алтарь жертв во имя Победы.

Друг горяч был и смел,
По-мальчишески прост:
Если прав – не уступит ни шагу.
Он в атаке умел
Первым встать в полный рост,
Вскинув свой ППШ словно шпагу.

И откуда же в нём
Риск и храбрость брались?
С виду паинька, парень-рубаха,
Но под шквальным огнём
Друг был как фаталист —
Рядовой без упрёка и страха.

Был готов ко всему
Перед властью свинца,

Даже гибель – и та не преграда.
Так хотелось ему
Отомстить за отца,
Что погиб у руин Сталинграда.

Той весной другу шёл
Девятнадцатый год,
В снах он видел ребячью ватагу.
Был безусым ещё,
Но за взорванный дот
Заработал медаль «За отвагу».

Ранним утром наш взвод
Стерегла тишина,
Распорядок привычный ломая.
И казалось, что вот
Завершилась война
С наступлением первого мая.

Но обманчива тишь
Фронтная у сна
С необычной зарёй голубою.
Солнце сбросила с крыш
Разрывная волна,
Когда взводный скомандовал: «К бою!»

Выбивали с трудом
Группы «Ваффен-СС»
С чердаков, из подвалов и схронов.
Дзотом был каждый дом,
Немцы шли на эксцесс —
В упор били из фаустпатронов.

Взвод весь день очищал
От фашистов квартал
С домом Гимmlера в центре Берлина.
Голос друга звучал,
Но потом перестал.
Было слышно, как ухнула мина...

На него налетел
Фриц, стал горло сжимать,
Оба в схватке сошлись рукопашной.
Друг всего лишь хотел
Посчитаться за мать,
Искалеченную бомбой фугасной.

Смерть следила со стен,
Кто кого пережмёт.

Но фашист тяжелей был, зверюга.
Где-то рядом совсем
Хлестанул миномёт,
И эсэсовца сбросило с друга.

Взвод за другом шёл вслед;
Впереди за углом
Уже виден был купол рейхстага:
Обгоревший скелет,
Превратившийся в лом,
Но ещё без победного стяга.

Пятьсот метров всего —
Площадь с боем пройти;
Пядь земли от разрывов дрожала.
Из живых никого,
И лишь в центре почти
Немка с дочкой трёхлетней бежала.

Взрыв не дал добежать
До укрытия им,
Обе рядом с воронкой упали.
Друг не смог больше ждать,
В мыслях мигом одним
К ним рванулся в бесстрашном запале.

Изрыгали огонь
Жерла тёмных бойниц,
Раскалённые пули свистели.
Что есть силы бегом
И не кланяясь ниц,
Друг стремился к назначенной цели.

Жизнь у немки прервал
Крик, застывший в устах.
Взор в мольбе устремился к кому-то.
Друг их двух прикрывал
Телом, слыша в ушах
Одно слово немецкое: «Муттер».

Почти не было сил,
Как и не было слёз.
Снайпер в голову друга поранил.
Он девчущку схватил,
С поля боя понёс,
Находясь в шаге к гибельной грани.

Кровь во впадинах щёк
Запеклась на ветру,

Боль утрат – друг войной обездолен.
Ему надо ещё
Отомстить за сестру,
Со Смоленщины угнанной в Дойчланд.

Взвод товарища нёс,
Как в парадном строю.
Он лежал на полотнище флага.
Чуть дыша, произнёс:
«За победу свою
Распишусь на колоннах рейхстага».

Это было под Ржевом
Нынче снежно под Ржевом,
А тогда, в сорок первом,
Липла к пушечным жерлам
Глина с кровью и пеплом.

Танки лязгали в топи
На дорогах разбитых,
А в соседнем окопе
Было много убитых.

Среди душ их нетленных
Из живых было двое:
У отца на коленях
Сын лежал, юный воин.

Он, от крови до плоти
Долгожданный поскрёбыш,
Зло подстрелен на взлёте;
Был бы рядом – сберёг бы.

Заслонил бы всем телом,
За него бы сражался.
Так победы хотел он,
Только вот не дождался.

Изнывая от боли,
Иссечённый шрапнелью,
Угасал сын всё больше
Под отцовской шинелью.

С голубыми глазами,
Распахнувшихся к небу.
Светлый взгляд его замер,
По-сыновнему нежный.

Отступая к востоку,

Всех бойцов схоронили
На холме невысоком
В безымянной могиле.

Летом сорок второго
Здесь, на этом же месте,
Сын отца, но другого,
Воевал третий месяц.

Отбивали атаки
Ценой жизни – не даром,
Был приказ дан из ставки
Владеть ржевским плацдармом.

От разрывов вскипала
Мать – земная утроба.
Сколько жертв в неё пало,
Ни могилки, ни гроба.

Ни крестов, ни пометок,
Ни таблиц с именами.
Полквadrата, полметра
Чрева с вечными снами.

Может, здесь, на высотке,
Или там, среди пашен,
На прорыв взвод отцовский
В бой пошёл рукопашный.

Сын отца тоже дважды
Из «котла» выбирался.
Уцелел, но однажды
На засаду нарвался.

Уходил от погони
В ночь с плечом перебитым,
А его в батальоне
Посчитали убитым.

По бурлящей стремнине,
Слитым вместе с потоком,
Бойца вынесло к mine
И к прибрежным осокам.

В этот раз пожалела,
Пропустила «косая».
Он рукой одной левой
Грѐб, проплыл, не касаясь.

Истекающий кровью
Среди лилий соцветий,
Был спасён медсестрою
У реки на рассвете.

Её женские плечи
Выносили подранков
Из-под бомб и картечи,
Из-под пуль, из-под танков.

Рисковали, спасали,
Гибли и выживали.
Крепче женственной стали
Никогда не ковали.

Ржев – вулкан извержений
Переплавленной стали.
Даже боги сражений
От разрывов устали.

В этом смерче спирали,
Опалённом, свинцовом,
Помнил сын о морали
И наказе отцовом.

От начала до тризны
Верой, правдой служить,
Защищать честь отчизны,
До победы дожить.

Не забыв о завете,
Сын страдал об утрате:
Нет ни слуху, ни вести
Об отце и о брате.

Знал из маминых писем,
Что отец вместе с братом
Был к потерям приписан
Боевым безвозвратным.

А на фронте под Ржевом
Наступал сорок третий.
На снегу порыжелом
Тот же след лихолетий.

И всё та же примета —
Битых танков армады,
Стаи воронов вместо
Похоронной команды.

День за днём, год за годом
Поле брани под Ржевом
Тосковало по всходам
И молилось по жертвам.

Бесконечным, несчётным,
Безвозвратным, безвестным,
Стойким и обречённым,
Сильным духом, бессмертным.

Безымянным, безродным,
Вольным, непокорённым,
Неизвестным, народным
Да войной опалённым.

Сёстры, матери, братья,
Сыновья, отцы, деды —
Приняла всех в объятия
Смерть во имя Победы.

Ну а те же, кто выжил,
Уже рвались на запад.
Всё сильнее и ближе
Подступал майский запах.

Ещё рощи горели,
Но уже разливались
Птиц весенние трели.
Хватит – навоевались.

Вместе с птицами пели
Колокольни с церквями.
Души павших летели
На восток с журавлями.

Косяком, стайей, клином
В край родимый спешили.
На пути своём длинном
Весть с войны сообщили.

О погибших геройски,
В медсанбатах угасших,
О растерзанном войске
С миллионами павших.

О замученных пленных,
Новобранцах умерших.
Их, совсем не военных,

Воевать не умевших.

Не укроют, не спрячут,
Не прильнут к изголовью.
Скорбно матери плачут —
Жить им с вечною болью.

Нынче мирно под Ржевом,
Но война – она близко:
В поле, сплошь проржавелом,
И в свечах обелисков.

В прахе, в найденных списках,
В полупрелых землянках,
В медальонных записках
И в солдатских останках.

В ветеранских наградах
И в состаренных фото,
В первомайских парадах,
В треугольниках с фронта.

И в местечке незнатном
У речного обрыва,
Там, где жизни внезапно
Обрывались от взрыва.

Здесь, где волжская лента,
Свою принял обитель
В шаге от монумента
Воин-освободитель.

Каждый почесть воздаст
Под хорал соловьиный.
Пусть не будит солдат
Грустный крик журавлиный.

От бессмертных полков
К неприступной твердыни —
Мир во веки веков
От войны и поныне.

Всё, что было под Ржевом,
Не расскажешь словами.
Битву маршальских жезлов
Назовут жерновами.

Благовест Победы

Завтра утром победной проснётся весна,

В первый раз с тишиной обнимаясь.
Только мне до рассвета придётся без сна
Не сомкнуть глаз, страдая и маясь.

Не уснуть потому, что погибли друзья,
Их тела под полотнищем стяга.
Это знамя за них те, кто жив, водрузят
На поверженный купол рейхстага.

Из солдатских кровей ярко-красный кумач
Будет реять во славу героев.
Гладит дома рукой фотокарточку мать,
У неё их, потерянных, трое.

В путь последний проводит салютов заря,
Их приют в покорённом Берлине.
Свои жизни солдаты отдали не зря,
Мир во веки веков и поныне!

Днём опустят бойцов в лоно братских могил,
Преклонив боевые знамёна.
Мир спасённый, зачислить солдат помощи
В полк бессмертный их всех поимённо.

Им покоиться лучше в родимой земле,
Но до Родины славной не близко.
В опалённой войной, на ковыльной золе
Будет только звездаobelиска.

Они миг до триумфа войны не дошли,
До него оставалось полшага.
Пусть со светлой тоской прах несут журавли
Тех, кто пал у развалин рейхстага.

Им лежать в гимнастёрках, к погону погон,
Рядом с ними отцы их и деды.
А в России по ним горит Вечный огонь,
Как бессмертное Знамя Победы.

У них не было жён, также как и невест,
Им всего лет по двадцать на брата.
В честь прихода Победы звучит благовест,
Мне стучит сердце звоном набата.

Как хотелось забыться, да так, чтобы сны
Приказали: «С фашистами к бою!»
Чтобы снова вернуться в горнило войны
И закрыть их от смерти собою.

Нынче май сорок пятого, радость в глазах,
Отшумели военные грозы.
У победной весны навернулась слеза,
Это плачут по павшим берёзы.

На бруствере войны

В сорок пятом году отгремела война,
Отшумели военные грозы.
Всем обязан тебе, фронтовая жена.
Помнишь бой у сторевшей берёзы?

Предраассветный туман разливался окрест,
В тишине спали маки и розы.
Но уже полыхал атакованный Брест,
И, как свечи, горели берёзы.

В трёх верстах от войны окопался наш взвод,
Там, где нет даже места на карте.
Перед бруствером смерть, за спиной небосвод,
И восход как заря на закате.

Кто же знал, что во всём превосходит нас враг —
По три танка с крестами на брата.
Где был вырыт окоп, появился овраг;
И утрата, утрата, утрата...

Сколько было в то утро фашистских атак,
Знать не знали кукушкины слёзы.
Где застава была, там теперь пустота,
Ни одной уцелевшей берёзы.

От снарядов растерзанной гибла земля,
У бойцов к ней, как к матери, жалость.
И сжималась бронёй окружений петля,
И страна всё сужалась, сужалась...

Небо падало вниз, нечем было дышать
Из-за копоти, дыма и смрада.
У безжизненных тел билась в муках душа —
Это было исчадие ада.

Мы держали плацдарм, выбиваясь из сил,
За пределом немислимой грани.
Раскалённый свинец ноги мне подкосил,
Я шрапнелью был в голову ранен.

Пал, уткнувшись лицом в молодой березняк,
Я забредил мольбой о высоком.
И, хватая губами прохладный сквозняк,

Упивался берёзовым соком.

Не надеясь, что ангелы могут спасти,
Крикнул роте: «Прощайте, ребята!»
Кто-то всё-таки смог до меня доползти;
Всё кругом было кровью объято.

Рядом бил пулемёт, надрываясь взхлёт,
Пушки «ухали» стоном набата.
Тот, кто ласково мне перевязывал лоб,
Прошептал: «Я сестра медсанбата.

Милый мой, потерпи, я сейчас помогу,
Отползём вместе из-под обстрела».
Как хотелось нарвать ей цветов на лугу,
Но кругом всё горело, горело...

Мы ползли... Нет, сестричка тащила меня
По траве, сапогами измятой,
Почерневшей от пепла, сухой от огня,
Всё же пахнувшей чайною мятой.

Где-то рядом должны быть медпункт и санчасть,
Знали, что не отступят ни пяди.
Я был счастлив, что жив и что смог повстречать
Её русо-кудрявые пряди.

Много дней мы вдвоём пробивались к своим,
Силы были уже на исходе.
Ведь, казалось, границу страны отстоим,
Но войска всё отходят, отходят...

Так случилось, войною любовь рождена
В урагане смертельного круга.
Ты и нынче моя фронтовая жена,
Боевого солдата подруга.

Обелиск. Две берёзы. Вот наша скамья.
Как прекрасна под Брестом погода!
Мы из двадцать второго июня семья,
Из боёв сорок первого года.

Гитар гитара, расскажи про мои сны

1

Я слышу музыку... Нет, нет, её я вижу,
Она с оркестром приближается ко мне.
Вдруг тишина. О, как её я ненавижу!
Я видел ночь, один проснувшийся во сне.

Темным-темно. Хоть глаз коли. Ни звука.
Квадрат Малевича врос в кубатуру стен.
Превозмогая мрак, взглядевшись близоруко,
Глаза заметили измученную тень.

Она метнулась в странном облике лучины,
Задев нечаянно излучину струны.
Сначала ойкнула, рванувшись без причины,
И попросила снять гитару со стены.

Привычно руки сами к грифу потянулись,
Но тяжелеющие пологи ресниц
Не от бессонницы – от времени сомкнулись,
Явив сны муз как иллюстрации страниц.

2

Всплыла мелодия, звеня над куполами,
Сияя золотом, своды неба голубели.
Младенца сон был пробуждён колоколами,
И мамин голос лился мне у колыбели.

Он зримым был и осязаемым до вкуса
Животворящего грудного молочка.
С божнички лик смотрелся матерью Иисуса,
Светло внимая стрекотанию сверчка.

О, этот миг, не повторяющийся боле,
Мотив баюкающий – детства оберег.
Он будет так щемить нутро усладой боли,
Пока душа не превратится в имярек.

3

Сюжет событий в сновидениях листая,
Глазам привиделся предутренний распев.
Пернатый хор, из гнёзд стремительно взлетая,
Запел, о судном дне подумать не успев.

На проводах, как ноты шустрые, синицы
Шедевры клювиками страстно создавали.
Их не пугали даже всполохи зарницы,
Лишь к непогоде низко ласточки сновали.

Бурь оратория – она другого цвета,
В ней чёрно-белые присутствуют тона.
Так в сорок первом репродуктор сельсовета
Оповестил: грядёт священная война.

Людские проводы на фронт как крестный ход,
В толпе солдатки голосили а капелла.
Ещё не виден был спасителя приход,
Но уже ягода виктория засохла.

Горячей сечь была, в огне земля горела,
Рябины плакали в лесах без снегирей.
Орда от ненависти к русским озверела,
Сжигая их живьём в печах концлагерей.

На пепелищах места не было иконе,
А вместо звонниц – эшафоты пустырей.
На поле боя ржали раненые кони,
Как будто реквием по жертвам алтарей.

По снегу, в дождь, какой бы ни была погода,
Под пулёмётным ливнем мессеров в крестах
Красноармейцы шли четыре долгих года
Туда, где должен быть поверженным рейхстаг.

Победный марш поверх поверженных знамён,
Миг ликования с печалью утрат.
И обелиски с миллионами имён,
Как маки, вспыхнувшие солнцами с утра.

4

Очнуться надо бы. Гитаре одиноко,
Но сердце бьётся с позапрошлым в унисон.
Душе неймётся оттого, что видит око,
В который раз за ночь проваливаясь в сон.

Манит видение, показывая снова
Черты ожившие давно минувших дней.
Прожить свой путь земной единожды не ново,
Но пережить, пусть даже в снах, его трудней.

5

Мальчонка русый, и на нём беретик синий,
С котёнком весело играет у крыльца.
Свистит в свистульку, самоделку из осины,
Она единственная память от отца.

Как хорошо, что ничего с ним не случится,
Голодный год промчится мимо стороной.
Читать, писать и настоящему учиться
Мечтали дети, опалённые войной.

Все в детском возрасте одной и той же крови,
Послевоенные – особое клеймо.
Они, малыцы, возили сено на корове,
Впрягаясь с нею в деревянное ярмо.

Не понаслышке зная истину из сказки,
Что есть полезно и вершки, и корешки,
Они, как солнечные малые букашки,

В пшеничном поле собирали колоски.

Это потом дадут стране угля и стали
И пересядут на «железного коня».
Под стон гудков тогда почил товарищ Сталин,
Люд шёл за телом, как сиротская родня.

Нутро земли – незатянувшаяся рана —
Разверзлась братскими могилами окрест.
Играл над прахом гениального тирана
Хрущёвской оттепели маленький оркестр.

6

Двадцатый век. О, как ему я благодарен!
За предоставленный фантастиками шанс.
Венец величия – Победа и Гагарин,
Из пепелищ войны восставший ренессанс.

Свобода духа не на улицах брусчатых —
В сердцах; в них веру невозможно обуздать.
Не быть романтиком – не знать шестидесятых,
Кто был таким, тот мог творить и созидать.

Регаты плыли рукотворными морями,
И луноходы шли в космический прорыв,
С гитарой, с песней в горы, к югу «дикарями» —
Таков был физиков и лириков порыв.

Тогда нуждалась в других ценностях душа,
Стих о высоком тамадой прослыл застолья.
Но тот, который той эпохой не дышал,
Назвал её ненужным временем застоя.

Жжёт неосознанный, в предчувствии вины,
Укор гитары молчаливый, что пылится.
Есть только сны, лишь в них отчётливо видны
Давно забытые и стёршиеся лица.

Воспеть бы всех. Их зов принять за честь;
Они из редкостной непознанной когорты.
В том поколении талантливых не счесть,
Для них не в счёт цена разорванной аорты.

7

С началом жизни звонки птичьей перелевы,
Скворцы горланят гимны подвигам весны.
Птенцы и дети. Взлёт и шаг их труден первый;
Следы мгновения прекрасные, как сны.

Влекли ребячьи неизведанные тайны
В страну, где парус пел от розовых ветров.

При тусклом свете фитиля избы-читальни
Искали в дебрях книг сокровища миров.

Не знали дети, что такое телевизор,
Подолгу вглядываясь в зимнее окно.
Но всё же изредка, пусть в качестве сюрприза,
Смотрели в клубе диафильмы и кино.

Весны дождавшись, на лужайки выбегали
И в беготне своей до осени росли.
Как подобает, по хозяйству помогали —
Возле реки гусят с утятами пасли.

Наивность детская похожая на лето —
Скорей хотелось непременно повзрослеть.
Но, видно, бог, своё накладывая вето,
Годок-другой хотел ещё их пожалеть.

8

От детства к отрочеству шаг непустяковый,
Пусть не заметен между ними переход.
Период зрелости обычный подростковый,
Предвестник драм и ранней юности восход.

Года лирических недетских перемен
В сонетах пламенных Шекспировских воспеты:
Порывы чувств, ранимость дружеских измен
И сила верности Ромео и Джульетты.

Влюблённость первая является нежданно,
Как среди бела дня в сухой степи гроза.
Не замечавшие ещё совсем недавно,
Взаимно встретились и обмерли глаза.

Казалось, тот же взгляд лазорево-бездонный
Под лепестковыми изгибами бровей.
Но, как разряд с других, коснувшихся ладоней,
Он поразил. Нет лучше глаз и красивей!

Поверить трудно, что детишки-сорванцы
Ещё вчера кричали «тили-тили-тесто».
Парнишка с девочкой, влюблённые юнцы,
В пятнадцать лет почти жених, почти невеста.

Им век в любимых оставаться, может быть,
Или в других влюбляться жарко многократно.
Но поцелуй свой подростковый не забыть,
Как не увидеть то, что скрылось безвозвратно.

И будет всё. Наступит юности расцвет,

Такой же точно, как в черёмуховом мае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.